

*Богне Козловской и другим
ангелам с незримыми крыльями
и с огромной силой внутри,
с благодарностью за всё*

Пролог

Если бы еще совсем недавно любую из сидевших тогда у костра женщин спросили, что важнее — дружба или любовь, они бы наверняка ответили, что любовь. А если не любовь, то уж во всяком случае влюбленность или просто увлечение вышли бы на первый план. И вполне возможно даже в ущерб большой дружбе. Однако последние события показали, что ни один мужчина не стоит того, чтобы тратить на него двадцать лет своей жизни. Потому что иногда именно столько времени уходит на поиски самого главного.

— Ну и кто будет первой? — Высокая блондинка накинула на себя расстегнутый спальник и затаилась тонкой сигаретой. Взяла бутылку вина.

— Не кури! — дружно призвали остальные.

У самой младшей из них была розовая папка, из которой торчали бумажки, явно много раз читанные-перечитанные. Девушка прижимала их к себе, как самое большое сокровище.

Рядом с ней у костра сидели еще три: одна под одеялом, поджав ноги, две прикрылись общим спальником и раз за разом бросали друг на друга испытующие взгляды. Как старые знакомые, которые долго не виделись и вдруг встретились, случайно, в городской толпе.

А впрочем, почему «как» — именно так все у них и было: старые знакомые, долго не виделись и все такое прочее.

— Всё, последнюю, пожа-а-алуйста, — застенчиво улыбнулась блондинка, вертя в пальцах сигарету, — честное слово — последняя. — И опять глубоко затянулась и еще плотнее укуталась в спальник. — Не думала, что августовские вечера такие холодные, лет сто, наверное, не ночевала в палатке.

— Да ладно, сто, — рассмеялась сидевшая рядом.

— Ну не сто, а двадцать с хвостиком уж точно, — мечтательно заметила блондинка.

— Пожалуй, так... А помнишь, луна тогда была точно такая же?

— Да... И Петр играл на гитаре...

— Ина, прекрати! — встрепенулись подруги.

— Ладно, ладно. По очереди так по очереди. А кто первая? — повторила вопрос Ина.

— Ты.

— Я? Почему я? — возмутилась Ина и загасила сигарету.

— Как почему? Потому что ты была первой в списке.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Проблемы твои, проблемы мои,
вся эта политика, наши бои.
Что толку счета сводить,
если Там давно все подсчитано —
даже капли в воде, которую стал растаявший снег.
Кто без вины — камень бросай,
только не станет ближе Рай,
если от человека закроется человек.

Станислав Сойка. Терпимость

Ина

Ладно, первая так первая, а если с чего и начинать, то, конечно, с Брды, на берегах которой мы оказались двадцать лет назад... Честное слово, Карола, не понимаю, что тебе вдруг в голову взбрело немедленно ехать всем табором и именно сюда, на Брду. Будто нельзя было нормально, по-человечески, в приличном месте, за чашечкой кофе. А впрочем, девочка, ты права: даже в самой приличной кафешке есть риск, что мы разбежимся, прежде чем всё выясним. А отсюда далеко не сбежишь. Да и как? На байдарке, что ли, в потемках? Максимум, что мы можем сделать, — поубивать друг друга.

Даже сегодня мне трудно во всем этом разобраться. Слишком много всего произошло, и то, что раньше я считала самым важным в жизни, теперь потеряло смысл. Только с появлением Каролы я поняла, что для меня действительно важно. Вернее, кто для меня важен.

Но давайте начнем с начала, то есть, собственно говоря, с конца...

Как сейчас помню тот день, когда Каролина постучалась ко мне. А если уж быть совсем точной — стала ломиться в мою дверь. Если бы она позвонила по домофону, я бы наверняка не открыла. А что? Имела право: я работала. Привычка у меня такая: когда работаю, я полностью отключаюсь. Полностью — это значит вырубая телефон, никого не принимаю и т. д. Однажды было дело — друг затаил на меня смертельную обиду, что я не впустила его, а он просто хотел зайти типа на кофе, чисто по-дружески. А я как раз что-то писала. Обычная лихорадка перед сдачей в номер — все в последнюю секунду. Заканчивала статью под давлением босса, который висел на трубке на другом конце линии и торопил. Я тогда захлопнула дверь перед тем знакомым, и он больше не звонил. Я уже была взрослой девочкой и знала, что люди как приходят, так и уходят. Вот только жаль, что уходят обычно самые нужные нам люди. Кое-кто из них иногда возвращается, но в самые неподходящие моменты. Я бы даже сказала, что они являются как незваный гость.

Как тогда Каролина.

Я сидела в халате, курила и дописывала статью. Точно помню эту горячую тему об одной очень несдержанной в личной жизни даме — депутатке от очень законопослушной партии... Ну да ладно, не о ней речь. Срок готовности текста, как у нас говорится, «еще вчера». Я дописывала последние абзацы, когда кто-то стал ло-

миться в дверь. И это важно — не стучать, а именно что ломиться — что есть силы ритмично бить то ли кулаком, то ли ногой в дверь. Если бы кто просто постучался, я бы проигнорировала, а тут пришлось встать — совершенно невозможно работать в таких условиях!

Обычно я писала, что называется, в мертвой тишине. В сумочке у меня всегда есть беруши, чтобы чувствовать себя нормально везде, при любых обстоятельствах, но дома условия у меня все равно лучше, и шеф это знал. Я могла не появляться в редакции в течение всей недели. Приходила только на общие собрания редколлегии, но даже если не приходила, то никаких санкций за неявку не было. Такого особого для себя положения я добилась на самом деле тяжелым трудом. И пусть говорят, что я шла к цели по трупам, но в моей профессии нельзя быть мягкой.

Я окучиваю в основном две газеты. Одна — еженедельник высокого полета, и пишу я туда чисто ради удовлетворения собственных амбиций. Вторая — полная противоположность: желтая газетенка, ищущая дешевые сенсации, сама провоцирующая людей на разные подлости, а потом со вкусом во всех подробностях описывающая, как низко может пасть человек.

У каждого в жизни иногда случается такое, за что ему потом бывает стыдно, когда он не хотел бы иметь никаких свидетелей и тем более не хотел бы оказаться на первых полосах сотен тысяч газет по всей стране. Моя задача — отследить и зафиксировать такие моменты в жизни политиков, знаменитостей, звезд. И в этом «виде спорта» я была великолепна. Говорю «была», потому что вчера я завершила этот этап своей жизни... долго собиралась это сделать, но сначала должна была закончить кое-какие дела. Теперь я в поиске. В поиске чего-то нового. А может, мне хватит того, что у меня уже есть? Может, мне теперь сосредоточиться на чем-то другом?

~

Однако вернемся к тому дню... На чем я остановилась? А, да — кто-то ломится в дверь. Взбешенная, я встаю и иду посмотреть, кто нарушил мое спокойствие — спокойствие в клубах сигаретного дыма и при плотно закрытых жалюзи. На пороге девушка. Молодая, миловидная, похоже, чем-то немного напуганная. С волос капает: выглядела она так, будто ее только что окатили из ведра.

Надо же так заработать — я даже не заметила, как начался дождь, как барабанил он в окно. Несмотря на день, снаружи было по-вечернему серо и мрачно. И девушка была тоже серой и мрачной. И к тому же мокрой. И тут меня торкнуло: я ее уже где-то раньше видела. Неужели любовница какого-нибудь политика, по которому я прошла на страницах нашей газеты? Или его дочь? Допустим. Но откуда у нее мой адрес? Одно дело — когда я, профессионалка, надыбаю адрес какой-нибудь звезды, но чтобы обычная девушка... И такая молодая...

— Добрый день. Пани Каролина Рыбиньская? — услышала я.

А вернее, как бы услышала: на самом деле я ничего не слышала, потому что мыслями была в своей оставленной на секунду работе. (На секунду, девочки, на секундочку! Вы не понимаете, что такое сдавать материал в номер...) Короче — мне хотелось поскорее спрятаться от нее за дверью.

— Что, простите?

— Но ведь это вы? — Девушка откинула со лба длинную мокрую прядь каштановых волос. Меня кольнуло еще раз: это движение я уже где-то видела.

— Ну допустим, а в чем дело? — спросила я, наверное, из вежливости, хотя на самом деле вежливой никогда не была. Может быть, это остатки воспитания, дан-

ного матерью, а в основном бабушкой, которая была для меня самым важным человеком в жизни. Ну, бабушки не стало несколько лет назад, мать тоже исчезла из моей жизни. Как и все, кого я любила... Боже, как же много всего должна я вам рассказать!!! Иначе вы не поймете.

Я не нуждалась ни в чем и ни в ком. Мне тогда хотелось побыть *одной* дома и спокойно поработать. В мои планы не входил разговор с какой-то испуганной промокшей девицей, которой удалось преодолеть ворота в общем-то закрытого жилищного комплекса, подъездную дверь с домофоном и охранника. Хотя, как подсказывает мне мой жизненный опыт, охранник этот, верный своему обычаю, сидел на диванчике у себя в каптерке и смотрел телевизор... Совсем люди распустились. С этим надо что-то делать... Но я не об этом...

— Я приехала из Гданьска, — бормотала девушка. Было видно, что она хотела войти в квартиру. Хотела войти так же сильно, как сильно я не хотела впускать ее. Остатками хорошего воспитания я сдерживала себя, чтобы не захлопнуть дверь у нее перед носом. Я не собиралась помогать этой мямле выдавить из себя то, что она, по-видимому, собиралась сказать. Нечего сказать — нечего и стучать. Мне уже успел порядком надоесть этот странный визит.

— Потому что... вы были первой в списке, — прошептала девушка, сжимая в руках пухлую розовую папку.

Меня прошил озноб и охватило беспокойство. Единственный список, который пришел мне тогда в голову, был список Вильдштейна, составленный несколько лет назад. Для любого журналиста попасть в него — дело жизни, но даже в свои сорок я была слишком молода, чтобы оказаться в нем. Тем более под номером один.

— О'кей. Вы услышаны. Это все? — спросила я, желая поскорее избавиться от сумасшедшей, которая при-

шла ко мне с эпохальным открытием, что я была первой в каком-то чертовом списке. В списке на отстрел? Тем более я не хотела этого знать, потому что много кому в своей жизни я встала поперек дороги. Да той же депутатке-резвухке, о которой как раз собиралась писать. Я предпочитаю умереть внезапно, скоропостижно, потому что мне в принципе не с кем было прощаться. В конце концов, я была одна. И жила одна, и совершала пробежку каждое утро тоже одна, и даже в ресторан ходила одна. Единственное, для чего мне был нужен партнер, это секс. Я была полностью самодостаточна и хотела, чтобы так было всегда.

— Можно войти? — спросила она. Не, вы это слышали? Ну наглая, наглая молодежь: я же четко дала ей понять, что не ждала ее. Непонятливая. Придется объяснить.

— У меня сейчас нет времени, — сказала я. Конечно, воспитанный человек добавил бы «простите», но тогда, в том сумасшедшем мире, мне было совсем не до этикета. Короче говоря, выставила я девушку из дома прямо под проливной дождь, закрыла за собой дверь и пошла надирать задницу депутатке. В буквальном смысле этого слова, потому что та мочила свою жопу в бассейне с депутатом из оппозиционной партии. На следующий день об этом должны были узнать около семисот тысяч читателей. Только благодаря мне. Повод для гордости. Моей.

Карола

Я давно установила за ней наблюдение. Очень давно. Сначала приехала на один день. Вместе с Филиппом, у которого в Варшаве были какие-то дела. Вечером должна была вернуться.

Через неделю я снова сидела у ее дома. И неделю спустя тоже. Каждый раз, когда Филипп ехал в Варшаву, я ехала вместе с ним. Приезжала, вела наблюдение, а уже вечером возвращалась в Гданьск. На этот раз я собиралась задержаться в Варшаве подольше, чтобы наконец-то все прояснить. Мне было интересно, почему именно она оказалась первой в списке. Что такого она сделала, что вообще попала в него. Я думала, что человек она милый, добрый и примет меня с распростертыми объятиями, как родную дочь.

Каждый мой приезд в Варшаву прибавлял мне знаний о ее привычках. Она практически не выходила из дому, даже в магазин, — ей всё привозили курьеры. Молодой парень приносил ей йогурты, фрукты и стиральные порошки в больших бумажных сумках. Впрочем, иногда, случалось, она выбегала на улицу, постукивая каблуками. Несколько раз наши взгляды пересекались. Я смотрела на нее с интересом, она — с полным безразличием. Всегда элегантная, как с обложки журнала. Я не ожидала, что у кого-то *на самом деле* могут быть туфли от Лабутена. Но даже не на лабутенах, а когда она просто выходила, например, выбрасывать мусор, она и тогда была полна небрежной элегантности, в вязаных одеждах от известных модельеров. Видать, это был ее повседневный домашний прикид. У меня тоже было такое (примерно такое) трикотажное платье, но я надевала его только по особым случаям или на вечеринки...

После этих нескольких дней наблюдения я знала распорядок дня всех остальных жильцов. Знала, кто и когда выходит из ее подъезда гулять с собакой. Я не знала, в каком часу утром, потому что обычно оказывалась там не раньше десяти, но, например, парень с шикарным лабрадором выходил точно в четыре вечера,

а потом — последний раз — в восемь вечера. Именно тогда мне удалось войти в подъезд.

Помню, погода была ужасная, гром гремел не смолкая и дождь шел такой, будто разверзлись хляби небесные. Я вымокла до нитки. Думаю, если бы не погода, я бы не решилась на этот шаг, а предпочла бы подождать подходящего момента, как бы случайно с ней познакомиться, может, даже подружиться. Но видно, все давно уже записано Там, на небесах, откуда лило как из ведра, и мне просто хотелось поскорее зайти в теплый дом. Я надеялась, что, увидев меня такую, она предложит мне переодеться, напоит чаем и мы спокойно поговорим. И эта надежда была такой сильной, что я позвонила Филиппу и сказала, что остаюсь в Варшаве на ночь. Он, конечно, спросил, где, с кем и как... попытался отговорить, хотя и знал, что я очень упряма. Он не хотел оставлять меня одну, но я сказала ему, что обязательно должна поговорить кое с кем очень важным для моей мамы, поэтому вернуться вместе не получится. Сам бы он не оставил меня в такую непогоду. В прошлый раз, когда я торчала под ее домом, стояла жара. Теперь ситуация была определенно менее приятной — дождь. Поэтому, когда увидела, что из подъезда выходит парень с собакой, я сразу рванула внутрь.

— Хорошо, что вы меня впустили, потому что я уже думала, что придется стоять здесь полдня. У тети домофон сломался, — сказала я, стуча зубами от холода.

— У тети?

— Да, Каролина Рыбиньская, — пробормотала я.

— А, Ина... Не сломался — в таких домах никогда ничего не ломается. А что касается домофона, все просто: она его отключает или какие-то провода отсоединяет. Ее все раздражает... Соседка... У меня седьмая квартира, у нее — восьмая. Наверное, что-то пишет и не откры-

вает. Давай заходи. Потому что, если ждать, пока она тебе откроет, можно так здесь всю ночь простоять.

Все прошло легче, чем я ожидала. Я думала, что придется тупо стучать во все двери по очереди, прикидываясь разносчиком чего угодно, хотя бы хороших новостей, которых, к сожалению, у меня не было. Но к счастью, все обошлось.

Я встала у квартиры номер восемь и принялась ломиться в дверь. Нет, не сразу... Сначала тихонечко постучала. Никакой реакции. Но я была уверена, что она у себя, потому что двумя часами раньше она вернулась домой, и я бы точно заметила, если бы она вышла. Я не сводила глаз с двери в подъезд. Я уже начала бояться, не случилось ли что, когда дверь внезапно распахнулась.

Вблизи Ина казалась еще выше. Она стояла непричесанная, без макияжа, на этот раз не в стильном трикотаже, а в толстом махровом халате. Она выглядела совершенно иначе, чем та Ина, которая несколько часов назад забежала в подъезд, постукивая высокими каблуками элегантных шпилек. Когда она открыла дверь, из квартиры долетел запах — пардон, вонь — сигаретного дыма.

Конечно, сначала я убедилась, что это она, потому что я могла гоняться за кем-то другим. Но это была она. Женщина, самая важная для моей матери.

И эта «самая важная женщина», сразу после того, как я начала ей все рассказывать, захлопнула дверь перед моим носом, оставив меня на площадке. Меня, мокрую, ооченевшую и в полном разочаровании. Тогда, сидя на ступеньках лестницы, я думала, что это какая-то ошибка. Что наверняка в том списке была какая-то другая Каролина Рыбинская, а не эта женщина, которая выставила меня под дождь. Я позвонила Филиппу. Может быть, каким-то чудом он еще не уехал?